

Источники и литература

1. Баранов А.Н. Функционально-прагматическая концепция текста: Дис... докт. филол. наук: 10.02.19. – Краснодар, 1993. – 357 с.
2. Болинджер Д. Истина – проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 23–43.
3. Булыгина Т.И., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: ЯРК, 1997. – 574 с.
4. Гик М.Л., Холиок К. Дж. Когнитивная основа переноса знаний. – М.: ИНИОН АН СССР, 1990. – 68 с.
5. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.: Рос. гуманитар. ун-т, 1999. – 382 с.
6. Знаков В.В. Психология понимания правды. – СПб: Алетейя, 1999. – 282 с.
7. Иоанесян Е.Р. Проблемы эпистемического согласования // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – М.: Наука, 1989. – С. 116–132.
8. Касавин И. Т. Традиции и интерпретации: Фрагменты исторической эпистемологии. – М., СПб: РАН, 2000. – 310 с.
9. Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности и проблемы типологического анализа // Вопр. языкознания. – 1994. – № 3. – С. 92–104.
10. Кравченко А.В. Классификация знаков и проблема взаимосвязи языка и знания // Вопр. языкознания, 1999. – № 6. – С. 3–12.
11. Лауфер Н.И. Уверен и убежден: два типа эпистемических состояний // Логический анализ языка. – М.: Наука, 1993. – С. 105–110.
12. Лукин В.А. Концепт истины и слово *истина* в русском языке // Вопр. языкознания, 1993. – № 4. – С. 63–86.
13. Микишина Л.А., Опенков М.Ю. Новые образы познания и реальности. – М.: РОССПЭН, 1999. – 240 с.
14. Мусієнко В.П. Проблема істинності лінгвістичних знань // Мовознавство. – 2000. – № 2/3. – С. 11–16.
15. Переверзев К.А. Высказывание и ситуация: об онтологическом аспекте философии языка // Вопр. языкознания. – 1998. – № 5. – С. 24–52.
16. Петрушенко В. Л. Епістемологія як філософська теорія знання. – Л.: Львівська політехніка, 2000. – 296 с.
17. Почепцов Г.Г. Достоверность высказываний // Вісник ХНУ. – № 471. – Харьков: Константа, 2000. – С. 218–220.
18. Приходько А.М. Семантико-епістемічний аспект німецького паратаксису // Наукові записки. – Вип. 35. – Кировоград: КДПУ, 2001. – С. 217–226.
19. Рассел Б. Исследование значения и истины. – М.: Идея-Пресс, 1999. – 400с.
20. Суворов О.В. Разум и феномен “Я” // Вопр. философии. – 2000. – № 4. – С. 130–137.
21. Фрумкина Р.М. “Теории среднего уровня” в современной лингвистике // Вопр. языкознания. – 1996. – № 2. – С. 55–67.
22. Хинтиikka Я. Логико-эпистемологическое исследование: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1980. – 447 с.
23. Хинтиikka Я. Информация, причинность и логика восприятия // Вопр. философии. – 1975. – № 6. – 447 с.
24. Apel K.-O. Auseinandersetzungen in Erprobung des transzendentalpragmatischen Ansatzes. – Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1998. – 866 S.
25. Keller R. Zur Epistemologie der Semantik // Erkenntnistheoretische Grundfragen der Linguistik. – Stuttgart [u.a.]: Kohlhammer, 1979. – S. 22–44.
26. Semantics. An International Handbook of Contemporary Research / Ed. by A. von Stechow & D. Wunderlich. – Berlin, N. Y.: de Gruyter, 1991. – 922 p.

Петренко А.Д., Яценко Т.А.

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КАУЗАЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

The research is based on the comparative analysis of Russian and German phraseology which is used to express causal relations

В системе изучения иностранных языков особое место принадлежит фразеологии (включая паремиологию), так как овладение фразеологическим фондом языка не только является показателем достаточно высокого уровня языковой компетенции, но и непосредственно связано с постижением культурного самосознания народа – носителя языка, с отражением концептов национальной культуры (В.Н. Телия, С.Г. Воркачев, В.А. Маслова, Л.Б. Савенкова и др.). Контрастивный подход к изучению фразеологических единиц (ФЕ) позволяет выявить как общее, так и национально специфичное в их семантической и образной структуре (В.Г. Гак, А.А. Русол, А.Д. Райхштейн, Ю.Ф. Прадид, Т.И. Крыга, Е.И. Иванова и др.). В

современной лингвистике (и отчасти в лингводидактике) утверждается изучение фразеологии в контексте культуры (В.Н. Телия, В.М. Мокиенко, Б.Г. Гудков, В.В. Красных, А.М. Эмирова и др.) При этом большинство исследований строится не по структурно-семантическому принципу, что было характерно для работ 60–80-х годов XX века, а на основе лингвокогнитологического подхода (А. Вежбицкая, Т.А. Космеда, Н.Н. Арват, Д.О. Добровольский и др.). Между тем, как нам представляется, недостаточно изученным остается вопрос о возможности использования фразеологии при выражении определенных логико-грамматических отношений.

Наша статья строится на сопоставительном анализе русской и немецкой фразеологии при выражении каузальных отношений и основывается как на исследовании фактического языкового материала, так и на опыте преподавания русского языка на Международных семинарах в ТНУ, на курсах русского языка в Германии (Институт русского языка в Бохуме, семинар русского языка в Тиммендорфер Штранде).

Основные цели статьи:

- определение основных групп явлений использования фразеологизмов с каузальным значением;
 - сопоставительный анализ каузальных фразеологических единиц;
 - исследование взаимосвязи концептов `Причина` и `Вина` на материале русского и немецкого языков.
- Новизна исследования заключается в следующем:
- реализация лингвокогнитологического подхода к изучению каузальных отношений;
 - обращение к фразеологии как периферии функционально-семантического поля каузальности;
 - представление языковой реализации концепта `Вина` в русском и немецком языках.

Преподаватели иностранных языков отмечают в своей практике два явления: 1) сложность изучения ФЕ; 2) ярко выраженная мотивация их изучения. Взаимосвязь этих явлений может быть объяснена в свете теории асимметрии языкового знака. В.Г. Гак отмечает, что в основе ФЕ лежит совмещение парадигматической и синтагматической асимметрии. «В многокомпонентности проявляется синтагматическая асимметрия, в идиоматичности – парадигматическая» [1, с.137].

Выявление имплицитных культурных смыслов фразеологизмов позволяет увидеть связь между языком и культурой. В лингвистических работах конца XX века именно культурологический подход к исследованию фразеологии является, несомненно, приоритетным направлением [2]. Одна из основоположниц этого подхода В.Н.Телия пишет: «Изучение фразеологического состава языка в контексте культуры – благодатная почва для выявления и описания тех языковых средств и способов, которые воплощают во фразеологические знаки культурно значимые смыслы, придавая им тем самым и функцию знаков «Языка культуры» [2, с. 9].

На учебных занятиях осуществляются различные подходы к презентации фразеологического материала: соответствие минимуму речевых интенций, включение в лексико-семантические поля, исторический план денотативных и референциальных основ ФЕ, семантико-стилистические особенности функционирования ФЕ в структуре художественного текста и др. Несомненный интерес представляет также и менее разработанный аспект: изучение фразеологии в связи с определенной грамматической темой (пространственные, временные, причинно-следственные отношения и др.).

Предметом нашего исследования являются причинно-следственные (каузальные) отношения – тема, занимающая важное место в программе занятий, в силу своей ярко выраженной коммуникативной направленности.

Каузальность трактуется нами как устанавливаемая субъектом взаимосвязь между двумя событиями (явлениями, фактами), одно из которых (причина) вызывает другое (следствие). При этом каузальность рассматривается как один из «великих концептов мировой культуры», к числу которых относится также «закон», «судьба», «вера» и т. п. [3]. В лингвистической интерпретации каузальности мы опираемся на теорию функционально-семантического поля [4; 5], в связи с чем представляется необходимым описать средства всех языковых уровней, которые участвуют в выражении каузальности, включая и фразеологические обороты. При этом именно «полевой подход» открывает широкие возможности для сопоставительного изучения языков и для практики перевода, что особенно актуально в филологической аудитории.

Разграничиваются три основные группы явлений:

- 1) фразеологизм выступает в функции причинного компонента, т.е. называет явление, которое влечет за собой другое явление, именуемое следствием: *ne само по себе – nicht an und für sich; om нечего делать – von nichts zu tun; волей случая – aus reinem Zufall; волей судьбы – nach Schicksalswillen; ни с того, ни с сего (здорово живешь) – mir nichts, dir nichts (ohne jeden Grund): „... wenn ich es im Flachlande noch eine Weile so weiter getrieben hätte, so wäre womöglich mir nichts, dir nichts mein ganzer Lungenlappen zum Teufel gegangen“ (Th.Mann, Zauberberg). ... если бы там, в низине, я и дальше продолжал в том же роде, то возможно, что все мое легкое полетело бы так, здорово живешь, к черту.*
- 2) Фразеологизм (с распространителями, отражающими его валентностные свойства) включает в себя и причинный, и следственный компонент: *вводить в краску – чем? – j-n zum Erröten bringen – womit? кто висит камнем на шее – у кого? – auf dem Halse liegen (sitzen) - wem? j-n ins Grab bringen – wodurch? „Pieper liegt mir auf dem Hals. Da er ... aus seinem logis herausgeworfen worden ist, mußte ich ihn... in meine Wohnung aufnehmen“ (K.Marx, Brief an Engels, 29.3.1854). "Пупер сидит камнем у меня на шее. Так как... его выбросили из квартиры, я ... вынужден был поместить его у себя".*

- 3) Фразеологическая единица предикативного характера отражает в целом определенную причинно-следственную ситуацию: *vom где собака зарыта* `именно в этом истинная причина, суть дела, заключается главное` - *da liegt der Hund begraben*.

Рамки статьи позволяют рассмотреть только одно из причинных значений, соотносимое с общей семантикой вины - *Ursache, Schuld, Anlaß, Veranlassung, Beweggrund, Grund, Verfehlung*. На взаимосвязь этих концептов обращается внимание в ряде современных исследований [6].

Известно, что в исследовании культурных концептов значительная роль отводится этимологическому материалу. По наблюдениям Г.Фриска, в древнегреческом *aitios* выделяется первоначальное значение `имеющий долю, часть в чём-то` [7, с.190]. Как указывает О.В.Маслиева, в латинском языке, в романских языках и английском слова, выражающие понятие причины, приобретают на определенном этапе этически-правовую семантику – *судебное дело, спорное дело, процесс*. В современных итальянском, испанском, французском, румынском и английском языках функционируют юридические термины *causa, causa, cause, sauza, cause* со значением (соответственно) `судебное дело, процесс` [8, с. 31]. При этом наиболее ранние из значений, с которыми выступает немецкое *Ursache* в текстах-памятниках: `основание для спора, сражения, обвинения, жалобы; повод для враждебных действий` [9, с. 810]. Такие же связи наблюдаются в шведском языке: *orsak* [9, 554], датском *aarsak* и голландском *oorsaak* языках [9, с. 810].

По данным О.В.Маслиевой, такая соотнесенность отмечается и в других языках. В качестве примера приводятся финское *syu* и осетинское *axxos/anxos*, которые до настоящего времени выражают понятия и `причины`, и `вины` [8, 30].

Русское слово *причина* этимологически соотносится с *чин, чинить* в значении `делать, устраивать` (подробней этот вопрос рассматривается в отдельной статье [10]). По А.А.Потебне, «русское `причина` есть причиняющее (nom agentis), причинение (совершение действия), причиненное (совершенное, сделанное): отражение действия на предмете имеет причинную действительность субъекта» [11, 7]. Но *причина* соотносится и с `виной`, что подтверждается данными этимологических и толковых словарей [М.Фасмер, В.И.Даль]. Материалы Словаря В.И.Даля, а также богатейший материал древнерусского языка и диалектов, представленный Л.П.Якубинским [12], показывают, что слова *причина* и *вина* регулярно сближались в живом русском языке: *што свињи картошки накапали, тут нет масї ни якїй причини* [12, с. 264].

Заметим, что в современное словарное толкование лексемы *вина* и в русском, и в немецком языке включает компонент «причина чего-либо» - *Grund*. Причем причина может соотноситься как с одушевленным, так и с неодушевленным предметом: *Я видел, что теряю товарища, и мне казалось, что виною этому Людмила* (Горький); *По простой вине непогоды пароходы не получали ни цента* (Федин). Ср.: *auf Grund (wegen) des schlechten Wetters..., wegen Ljudmila..., die Ursache dafür war das schlechte Wetter usw.*

Как видим, в приведенных примерах устанавливаются логические отношения между фактами действительности. Обратим также внимание на возможность использования лексем *виновен, виноват, виновник*. Например: *Людмила виновата в том, что я теряю товарища*. Аналогичные значения отмечаются и в немецком языке: *Ljudmila ist daran Schuld; Die ganze Schuld fällt auf sie; Sie trägt die ganze Schuld daran; Die Schuld liegt ganz bei ihr*.

При использовании указанных лексем часто наблюдается авторизация высказывания, в частности, подчеркивание мнимости вины:... *были осуждены Чайнов и Флоренский. «Вина» их состояла только в том, что они были против тотальной «ломки» народного быта* (Жожинов). Таким образом, здесь проявляется семантика субъективной модальности, модальное отношение познающего субъекта.

Субъективная модальность характерна и для фразеологизмов тематической группы «вина». Именно позиция автора высказывания по установлению «виновника» определенной ситуации, позволяет разграничить три основные группы фразеологизмов: 1) установление виновника; 2) указание на ложность выбора виновника; 3) отрицание наличия вины.

Первая группа, наиболее многочисленная, включает прежде всего фразеологические единицы, соотносимые с межсобытийными предикатами:

Вогнать в гроб – j-n ins Grab bringen; прижать к стенке – j-n an die Wand drücken; связать язык – j-m die Zunge binden; развязать язык – seine Zunge laufen lassen; отбить желание (охоту) – die Lust j-m vertreiben.

Фразеологизмам *связывать язык`заставлять молчать, не давать возможности свободно говорить` и вогнать в гроб`привести в какое-либо неприятное состояние` в немецком языке соответствуют фразеологические аналоги, построенные на общей образной основе и находящиеся между собой в синонимических отношениях: *seine Zunge hüten; seine Zunge wahren; j-m ins Grab helfen; j-n zu Grabe läuten; j-n vertreiben; j-n unter die Erde bringen; j-n unter den Boden bringen usw.**

К этой же группе относится фразеологизм *пасть (стать) жертвой кого / чего*. Словари дают следующее толкование данного фразеологизма `погибнуть от чего-либо или ради, во имя чего-либо`, однако анализ текстов показывает возможность его употребления и в значении `попасть в негативную ситуацию по какой-либо причине`. Причем причина создавшейся ситуации может носить как внутренний: *Он, однако, нередко становился жертвой своей собственной невысокой культуры* (Новый мир, 1988, № 10), так и внешний характер: *Кабинет министров пал жертвой сложного сцепления обстоятельств* (Газета).

В немецком языке используется эквивалентный фразеологизм: *zum Opfer fallen* - `пасть жертвой, стать жертвой чего-либо`: *Sie sind also das arme Opfer seiner Täuschung. Er wurde einfach das Opfer seiner*

Habgier, seiner Trunksucht, dieser schweren Umständen, dieser Verhältnisse. Итак, Вы бедная жертва его обмана. Он стал просто жертвой его алчности, пьянства, этих тяжелых обстоятельств, этих отношений.

К фразеологизмам второй группы, связанным с семантикой мнимости вины, подставной причины – вины, как правило, маскирующей истинную, относятся: козел отпущения – *Sündenbock*; валить с больной головы на здоровую – *Vom kranken Kopf auf den gesunden wälzen*; свалить что на кого; списать что на кого – *die Schuld auf einen anderen (auf den Unschuldigen) schieben*; Иван кивает на Петра, а Петр на Сидора – *sie schieben sich gegenseitig die Schuld in die Schuhe*. В последнем примере русский и немецкий фразеологизмы сходны по семантике, но построены на разной образной основе.

В словарное толкование фразеологизма козел отпущения `человек, на которого сваливают чужую вину, ответственность за других` входит семантический компонент `вина`. Следствие может быть представлено в общем виде как неблагоприятная ситуация. Здесь наиболее ярко проявляется «позиция авторизирующего субъекта»: 21 *Dann soll Aaron seine beiden Hände auf den Kopf des lebendigen Bockes legen und über ihm bekennen alle Missetat der Kinder Israel und alle ihre Übertretungen, mit denen sie sich versündet haben, und soll sie dem Bock auf den Kopf legen...* 22 *...daß also Bock alle ihre Missetat auf sich nehme und in die Wildnis trage; und man lasse ihn in der Wüste...* 26 *...Der Mann aber, der den Bock für Asasel hinausgebracht hat, soll seine Kleider waschen und sich mit Wasser abwaschen und erst danach ins Lager kommen (Altes Testament, das dritte Buch Mose). И возложил Аарон обе руки свои на голову живого козла, и исповедал над ним все беззакония сынов израилевых и все преступления их и все грехи их, и возложит их на голову козла... И понесет козел на себе все беззакония их в землю непроходимую, и пустит он козла в пустыню. И тот, кто отводил козла для отпущения, должен вымыть одежды свои, омыть тело свое водою, и потом может войти в стан (Ветхий Завет, 3 книга Моисеева Левит).*

В высказываниях, включающих данный фразеологизм, дается авторская оценка представленной ранее версии виновности (заметим, что виновник здесь – одушевленный субъект). Автор, оспаривая представленную версию, раскрывает мнимый характер виновности субъекта в создавшейся неблагоприятной ситуации: *Вот и позволили прикрывать провалы госсектора поисками козлов отпущения в виде кооперативов и безмозглых ученых-экономистов (Газета)*. Во многих случаях выявляется скрытый, замаскированный, но подлинный (с точки зрения автора) виновник создавшейся ситуации, который может быть представлен как субъект действия непосредственно: *Все дело в корне испортил Меньшиков, он же, Горчаков, является не больше, как козлом отпущения (Сергеев-Ценский)*, ср.: *Меньшиков – истинный виновник неудач; в форме посевивного определения: Найти «козла отпущения», виновника своих просчетов, поплакаться всем и вся на трудности. Это они могут (Сизов)*, ср.: *Они допустили просчеты, что вызвало определенные трудности, - или мыслиться обобщенно: Немалое значение имело и стремление свалить на «врагов народа» все политические и экономические трудности. Любому деспоту... нужен козел отпущения (Знамя, № 2, 1989); «Herr Kolb, der... Rüffel von Cotta bezogen, schlachtet natürlich Liebknecht als Sündenbock ab» (К.Марх, Brief an Engels, 26. 11. 1859). Господин Кольб..., получивший нагоняй от Комты, делает, разумеется, козлом отпущения Либкнехта.*

Сходная этимология фразеологизма козел отпущения – *Sündenbock* в русском и немецком языке и общий источник – Ветхий Завет – позволяют говорить об их эквивалентности. При этом в немецком языке он употребляется в значении `быть изгнанным из общества`, чего нет в русском языке – *einen Sündenbock in die Wüste jagen (schicken)*. На основании значения данного фразеологизма – *Sündenbock; den Sündenbock machen (abgeben, spielen): j-n als Sündenbock abschlichten – козел отпущения, сделать кого-либо козлом отпущения, `безосновательно обвинить кого-либо, рассматривать в качестве виновника`, в немецком языке сформировались близкие по форме фразеологизмы, имеющие семантический компонент `вина`: *j-m sein Sündregister vorhalten – напомнить кому-либо о его проступках, поставить кому-либо на вид его погрешности, ошибки (букв. «предъявить кому-либо список его грехов»); sein Sündregister ist voll – дальше ехать некуда (букв. «список его грехов полон»).**

Семантический компонент `вина` включается также в словарное толкование фразеологизма *валить с больной головы на здоровую – Vom kranken Kopf auf den gesunden wälzen* «перекладывать вину с виноватого на невиновного», «*die Schuld auf einen anderen (auf den Unschuldigen) schieben*»: *Но валить с больной головы на здоровую все-таки не годится: Тургенев и Базаров во всяком случае не виноваты в том, что критик не умеет защищать молодое поколение (Писарев).*

Фразеологическое сочетание *списать что-либо на что-либо, на кого-либо* также весьма интересно с точки зрения представления авторской позиции. Здесь то же противоборство причин: мнимая, ложная причина представлена в позиции косвенного дополнения *на что / на кого*. Следствие занимает позицию прямого дополнения *списать что*. В большинстве случаев следственный компонент представлен именами событийной и признаковой семантики: *Неэффективность тех или иных регионов списывается на неэффективность централизованного планирования (журнал «Огонек»)*. Истинная (по мнению автора) причи

на иногда представлена в более широком контексте, но в большинстве случаев подчеркивается логическая несостоятельность выдвигаемой причины: *Трудно списать эту метаморфозу целиком на счет времени. И Сумаедов-младший на роль жертвы жизненных обстоятельств никак не годится* (Газета). *Подобных инсинуаций... слишком много, чтобы списать их издержки «гласности» и «прогресса»* (Газета). Аналогичным образом функционируют фразеологические сочетания типа *списать что-либо на что-либо, на кого-либо* в немецком языке, образуя синонимический ряд, семантика членов которого близка одному другому: *j-m die Schuld zuschieben; die Verantwortung abwälzen; vom kranken Kopf auf den gesunden wälzen usw.* *Die kleinen Geschäftsleute hätten keine besonders genaue Kenntnis der Gesetze, die den Handel benerrschen. Sie schöben für gewöhnlich einfach den größeren Geschäftsleuten die Schuld zu, wenn Krisenzeiten kämen* (В. Brecht, *Dreigroschenroman*). *Мелкие дельцы плохо разбираются в законах, управляющих торговлей. Когда наступает полоса кризиса, они обычно сваливают всю вину на крупных дельцов.*

В третью группу входят фразеологизмы, которые в типовой ситуации «воздаяние – действие» или «воздаяние – отношение», когда агент реагирует своими действиями /отношением на предшествующие действия одушевленного субъекта – пациента или на некоторые его свойства (*милиционер оштрафовал шофёра за нарушение правил*) указывают как раз на отсутствие вины – причины со стороны пациента: *ни с того, ни с сего* (разг.) `неизвестно почему, без каких-либо оснований, видимых причин` и синонимы *ни за что, ни про что* (разг.), *за здорово живешь* (прост.), *ни за понюх табаку* (устар., прост.). При этом данные фразеологизмы выступают в функции обстоятельства причины: *Да это ведь странно, вдруг, ни с того ни с сего, вы меня гоните, не хотите даже сказать причины* (А.Островский). Особенность семантики фразеологизмов этой группы заключается в том, что они подчеркивают немотивированность действия с точки зрения автора высказывания, что часто акцентируется посредством наречий *вдруг, внезапно, неизвестно почему*.

В немецком языке данное значение представлено фразеологизмом *ни за что, ни про что, за здорово живешь*: *mir nichts, dir nichts: Dort von der Haustür sitzen die Bürgerleute des Sommerabends... und schwatzen vertraulich, wie der Wein, Gottlob`gedeiht... und wie die Marie Antoinette so mir nichts, dir nichts guillotiniert worden... und wie alle Menschen gleich sind. Там у дверей своих домов, в летние вечера, посиживают бюргеры. Они... непринужденно беседуют о том, как, благодаря богу, хорошо поспеваает виноград, ...как Марии Антуанетте вдруг ни с того ни с сего отрубили голову, ... и о том, что все люди – равноправные граждане... Отхаузен wollte nicht fassen, daß man einen Soldatenfriedhof so mir nichts, dir nichts abbauen und aus den Kreuzen Feuerholz machen konnte* (W. Bredel). *Оцгаузен никак не мог понять, как можно было ни с того ни с сего ликвидировать солдатское кладбище и пустить кресты на топливо.*

Проведенное исследование позволяет сделать следующие **выводы**:

1. Употребление фразеологизмов при выражении каузальных значений имеет много сходного в русском и немецком языках, и это облегчает слушателям восприятие теоретического материала.
2. Многие русские фразеологизмы, совмещающие значение `Причина` и `Вина`, имеют эквиваленты или аналоги в немецком языке.
3. Изучение фразеологических единиц этого класса в немецкой аудитории представляет собой большой интерес, так как способствует не только расширению словарного запаса, но и формирует навыки филологического анализа в направлении сопоставительного исследования двух языков.

Источники и литература

1. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
2. Фразеология в контексте культуры. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 336 с.
3. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Школа «Языки русской культуры». – М., 1997. – 824 с.
4. Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. – СПб: Изд-во С. – Петерб. Ун-та, 2001. – 260 с.
5. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 502 с.
6. Логический анализ языка: Языки этики. – М.: Языки русской культуры, 2000.
7. Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch, Bd 1. – Heidelberg. – 1938. – S.190.
8. Масльева О.В. Становление категории причинности (на материале истории языка). – Л.: Наука, 1980. – 105 с.
9. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – Berlin, 1957.
10. Яценко Т.А. Этимология и семантика исследования лексемы «Причина» как аспекты исследования культурного концепта: Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология»: т. 15 (54), 2002. – № 3. – С. 106 – 112.
11. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – Т. 3. – М., 1968.
12. Якубинский Л.П. История древнерусского языка. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1953. – 368 с.